

RU

Специфика реализации коммуникативных стратегий в английском и сербском дискурсе медиации

Прийма Т. И.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики стратегий и тактик медиации в условиях общественного раскола (на материале английского и сербского языков). В статье рассматриваются четыре документа, объединенные темой урегулирования конфликта на территории Европы, а именно – косовского вопроса, касающегося статуса автономного края Республики Сербия Косово и Метохии. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится изучение дискурса медиации на геополитическом материале, где в роли медиатора выступает не уполномоченный специалист, призванный содействовать разрешению конфликтов, а целое государство или государственный орган и его представители. В ходе исследования анализируются языковая реализация и прагматический потенциал медиаторных стратегий, используемых в тексте. Подтверждается, что характерными для урегулирования общественно-политических конфликтов являются стратегии объединения, дискредитации, убеждения и манипулирования. В рамках названных стратегий выделены тактики, посредством которых усиливается коммуникативное воздействие на реципиента. В результате анализа установлено, что для достижения целей медиации – урегулирования конфликта – посредник прибегает к разным методам, зачастую манипулятивным. Характерным является одинаковый набор дискурсивных инструментов, применяемых вне зависимости от геополитического положения медиаторов относительно участников конфликта.

EN

Specificity of the implementation of communicative strategies in English and Serbian mediation discourse

T. I. Priima

Abstract. The objective of this research is to identify the specific characteristics of mediation strategies and tactics in the context of societal division (based on English and Serbian language data). The article examines four documents united by the theme of conflict resolution in Europe, namely, the Kosovo issue concerning the status of the autonomous province of Kosovo and Metohija within the Republic of Serbia. The scientific novelty lies in the fact that this is the first study of mediation discourse based on geopolitical material, where the mediator is not an authorized specialist tasked with facilitating conflict resolution, but an entire state or state body and its representatives. The study analyzes the linguistic realization and pragmatic potential of mediator strategies used in the texts. It confirms that the strategies of unification, discrediting, persuasion, and manipulation are characteristic of resolving socio-political conflicts. Within these strategies, tactics are identified that enhance communicative influence on the recipient. The analysis reveals that, in order to achieve the goals of mediation – conflict resolution – the mediator resorts to various methods, often manipulative. A characteristic feature is the identical set of discursive tools used regardless of the geopolitical position of the mediators in relation to the participants in the conflict.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена высоким интересом современных ученых к стратегиям поведения в конфликте, а также повышенным спросом к изучению дискурсивной роли медиатора и качественно новой ролью, которую начинает играть общественно-политический дискурс в мире сегодня.

Такого рода исследования позволяют не только установить общие закономерности в урегулировании конфликтов в ситуации общественного раскола, но и определить их национально-специфические особенности, поскольку зачастую способы решения разногласий зависят и от лингвокультурных аспектов.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить основные признаки успешной медиации в рамках геополитических разногласий;
- отобрать и систематизировать материал медиаторной направленности, в частности статьи, публичные выступления и резолюции в англоязычных и сербоязычных источниках, с точки зрения используемых коммуникативных стратегий;
- описать языковые особенности коммуникативных стратегий в дискурсе медиации;
- определить, являются ли данные стратегии универсальными и независимыми от лингвокультурной принадлежности участников медиаторного процесса.

Материалом для исследования послужили четыре текста, посвященные решению кризиса в автономном крае Республики Сербии Косово и Метохия:

- “Statement by Russia’s Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” (2007. https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1644858/);
- “Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute” (2022. <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/leak-franco-german-plan-to-resolve-the-kosovo-serbia-dispute/>);
- “Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије” (2022. <https://www.novidss.rs/srp/news/41244/details/w/0/deklaracija-o-reintegraciji-kosova-i-metohije-u-ustavno-pravni-poredak-srbije/>);
- “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting” (2020. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-vucic-serbia-prime-minister-hoti-kosovo-trilateral-meeting/>).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области дискурса медиации и социально-политической конфликтологии, а также исследования методов медиаторного посредничества (Куликова, 2019; Прохорова, 2017; Баребина, 2012; Башмакова, Рыжова, Кузнецова, 2015; Запрудский, 1992; Zartman, Touval, 1985).

Для проведения исследования медиаторных стратегий и тактик в ситуации общественно-политической нестабильности в данной статье применяются методы тематической классификации и систематизации языкового материала, используемые для организации языковых единиц; метод дискурсивного анализа коммуникативных стратегий с целью изучения как интерлингвистических, так и экстралингвистических факторов иллюстративного материала; метод прагма-коммуникативного анализа, применяемый для исследования прагматической составляющей высказываний; лингвокультурологический и сопоставительный анализ, позволившие оценить специфику использования выявленных языковых средств именно в англоязычном и сербскоязычном общении.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в рамках всестороннего изучения аспектов общественно-политического дискурса и преподавания таких дисциплин, как «Основы политического дискурса», «Дискурсивный анализ», «Критический дискурс-анализ в сфере политики» и др.

Обсуждение и результаты

В настоящее время в процессе разрешения геополитических и социальных конфликтов все чаще участвуют третьи стороны, выступающие в роли медиаторов. Медиация является одним из наиболее действенных инструментов достижения компромиссных решений на разных уровнях.

На сегодняшний день понятие «медиация» вышло за рамки конфликтологии, приобрело междисциплинарный характер и, в том числе, получило развитие в дискурсе медиации, анализ которого нашёл отражение во многих лингвистических исследованиях.

Если в конфликтологии медиация рассматривается как «целенаправленное вмешательство, сначала ослабляющее конфликт, затем подготавливающее почву для принятия взвешенных решений и, наконец, разрешение проблемы» (Башмакова, Рыжова, Кузнецова, 2015, с. 165), то в лингвистике дискурс медиации являет собой «процесс, в котором стороны конфликта прибегают к процедуре медиации, чтобы посредством языкового общения и с помощью медиатора управлять конфликтной ситуацией, переходя от конфронтационного взаимодействия к кооперативному» (Баребина, 2012, с. 9).

Отметим, что языковое общение, упомянутое в определении Н. С. Баребиной, подразумевает как речевое общение (интервью, официальные заявления и пр.), так и текстовое (новостные статьи, официальные сообщения государственных органов, публикации в социальных сетях). Поэтому материалом для настоящего исследования послужили как устные выступления медиаторов, так и письменные источники, тематически связанные с урегулированием общественно-политических конфликтов и разногласий.

Важно подчеркнуть, что позицию медиатора в ситуациях геополитических противоречий может занимать как один человек (чаще всего – влиятельный политик), так и «целое государство, или государственный орган, то есть некая значимая группа, способная эффективно воздействовать на когнитивное сознание участников конфликта» (Прийма, 2023, с. 143). Также нельзя забывать, что как медиатор, так и конфликтующие стороны «привносят в процесс медиативного взаимодействия свой коммуникативный стиль» (Куликова, 2019, с. 255).

Как отмечают И. Зартман и С. Тувал (Zartman, Touval, 1985, p. 39), структуру медиации зачастую можно рассматривать как треугольник с тремя действующими лицами, где медиатор является полноправным участником, а не нейтральным посредником. Наряду с медиатором, участниками дискурса медиации являются и сами

конфликтующие стороны, к которым при рассмотрении политических и социальных конфликтов также зачастую относятся коллективные субъекты (государства или их регионы, крупные административные структуры и т. д.). Дискурс медиации, в рамках которого осуществляется исследование речевого поведения медиатора и участников конфликта, представляет собой «менеджмент процесса развития кооперации, направленной на разрешение конфликта» (Прохорова, 2017, с. 120).

Согласно Ю. Г. Запрудскому, основные цели медиации заключаются «в разработке плана будущих действий; подготовке участников к осознанию последствий своих собственных решений; нейтрализации негативных эффектов конфликта за счет помощи участникам в разработке приемлемой для них резолюции» (1992, с. 42). Представляется интересным проанализировать, при помощи каких языковых средств данные цели реализуются в нескольких официальных документах медиаторного характера, посвященных урегулированию значимого конфликта на территории Европы – косовского вопроса, касающегося статуса автономного края Республики Сербия Косово и Метохия.

Полноценный анализ языковых средств возможен при понимании экстралингвистических факторов, в число которых входит информация о конфликте и его участниках.

Истоки косовского конфликта связаны с международно-правовым статусом данного региона, который претерпевал различные изменения. Исторически сербская территория после Косовского сражения 28 июня 1389 года оказалась под османским контролем.

Если в XIV веке территория Косова была заселена в основном славянами, то в последующие столетия демографическая ситуация менялась. Косово находилось под сильным османским влиянием, и в течение веков туда активно переселялись албанцы, большая часть которых исповедовала ислам. Несмотря на это, вплоть до 1767 года в городе Печ (Косово и Метохия) располагался престол сербского патриарха, а до начала XX века сербы являлись этническим большинством данной территории. Кроме того, в средневековый период именно в Косово и Метохии сложилось ядро сербского государства.

Следует отметить, что даже поражение в Косовской битве 1389 года расценивается сербами как победа силы духа, «победа Вечной Жизни над преходящим миром». Османское войско в несколько раз превосходило сербскую армию, однако Сербия все равно приняла участие в битве, выбрав подвиг, основанный на христианской заповеди: победа Царствия Небесного над царством земным (Ković, 2017, p. 125-129). В связи с этим Косовское сражение метафорично ассоциируется с победой *жертвенной любви над законами тленного мира* и играет важную роль в сербском национальном самосознании, истории и фольклоре.

В результате натовских бомбардировок Югославии в 1999 году с территории Косова были выведены югославские вооруженные силы и создана Миссия Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косове, что привело к одностороннему провозглашению «независимости» края со стороны косовских албанцев в 2008 году.

На текущий момент «независимость Косова» от Сербии признают 100 государств из 193 членов Организации Объединенных Наций (ООН), 22 из 27 стран-членов Европейского союза (ЕС), 28 из 32 стран-членов НАТО. Основным документом, сохраняющим юридическую силу для всех сторон конфликта, является принятая в 1999 году Резолюция Совета Безопасности ООН 1244, согласно которой на территории Косова должно быть обеспечено предотвращение возобновления боевых действий; соблюдения прекращения огня, а также гарантирование вывода и предотвращение возвращения в Косово союзных и республиканских военных, полицейских и военизированных сил.

В связи с разноплановостью отношения к статусу Косова авторитетных мировых сил, в настоящем исследовании рассматриваются позиции медиаторов «разных лагерей» – России, Запада, а также представителей оппозиционного движения Сербии. Непосредственно в роли медиаторов выступают: Министерство иностранных дел Российской Федерации (документ “Statement by Russia’s Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” (2007)), Французская Республика и Федеративная Республика Германия (“Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute” (2022)), президент США (2017-2021) Дональд Трамп (официально запротоколированное устное заявление “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting” (2020)), сербское патриотическое движение в защиту Косова и Метохии “Покрет за одбрану Косова и Метохије” (документ “Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије” (2022)).

В качестве научно-теоретической основы настоящего исследования представляется перспективным использовать фреймовый подход, который позволит наиболее полно рассмотреть коммуникативные стратегии медиаторов.

Фрейм в контексте лингвистической науки определяют как тип когнитивной модели, репрезентирующей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями (Ungerer, Schmid, 2013, p. 306), «ментальные репрезентации, хранящиеся в памяти людей» (Карасик, 2002, с. 106).

Для рассмотрения разнопланового языкового материала, отобранного для настоящего исследования, нами на базе анализа теоретических данных, посвященных теме устранения конфронтации между сторонами, смоделирован фрейм «медиация», который включает в себя результаты осмысления медиационных процессов специалистами. В разработанном фрейме «медиация» преобладают стабильные, типизированные для ситуации геополитического кризиса медиационные признаки, релевантность которых для нашего материала исследования будет проверена в дальнейшем. Список таких признаков включает:

- нейтральную позицию медиатора (медиатор имеет независимое и беспристрастное отношение к каждой из сторон как в рамках дискурса медиации, так и на геополитическом уровне);

- предлагаемую программу решений, разработку плана дальнейших действий для обеих сторон с целью урегулирования конфликта;
- скрытое или прямое обоснование, почему конкретный человек или группа взяли на себя обязательство выступать в роли медиатора и могут предлагать свои способы решения конфликта.

Данные признаки выделены на основе модели «идеальной медиативной сессии», выдвинутой И. Зартманом и С. Тувалом (Zartman, Touval, 1985), согласно которым медиация должна способствовать:

- налаживанию контакта со сторонами, поддержанию адекватного и полноценного общения, выделению наиболее существенных проблем и интересов сторон и т. д.;
- поддержанию организованности протекающей медиативной сессии и созданию комфортной обстановки для работы над конфликтом;
- отсутствию давления на конфликтующие стороны, выдвижению продуктивных предложений и направления медиативной процедуры непосредственно к разрешению конфликта (Zartman, Touval, 1985, p. 37).

В анализируемых нами примерах дискурса медиации исследуется языковая репрезентация предложенного фрейма, а также коммуникативные стратегии медиации и тактики в рамках данных стратегий.

Так, в документе “Statement by Russia’s Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” («Заявление МИД России по косовскому урегулированию», 2007) медиатор имеет конкретную политическую позицию и выход из конфликта видит в четком следовании выдвинутых им положений, подкрепленных, что примечательно, резолюциями такого авторитетного органа, как Организация Объединенных Наций.

Таким образом, медиатор оказывается в уникальной ситуации – он посредничает между сторонами конфликта, занимая при этом сторону международного права и устава ООН, которые, в свою очередь, защищают позицию одной из конфликтующих сторон – Сербии. За счет этого создается впечатление, что одна из главных характеристик посредника – нейтральность – не соблюдается. Однако такая позиция, будучи основанной на международном праве, не может считаться и предвзятой.

В анализируемом тексте столь определенная позиция автора Заявления становится причиной категоричного неприятия альтернативных позиций, в связи с чем основной коммуникативной стратегией данного текста можно считать стратегию дискредитации политических сил, придерживающихся иной точки зрения (ими в данном случае являются США и ЕС). Данная стратегия реализуется при помощи разнообразных тактик.

Одной из них является тактика противопоставления: с одной стороны, в документе описываются полезные наработки, достигнутые в ходе предыдущих переговоров между конфликтующими сторонами (*useful ideas and suggestions / полезные идеи и предложения* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Т. П.)), с другой стороны – констатируется нежелание сторонников одной из конфликтующих сторон (косовских албанцев) пользоваться ими (*the US and some EU nations openly ignore / США и некоторые государства Евросоюза откровенно игнорируют*). Таким образом, действия косовских властей противопоставлены общепризнанной «высшей инстанции» – Совбезу ООН, ответственному за поддержание международного мира и безопасности (*UN Security Council resolution 1244 and violation of it by The authorities in Kosovo / резолюция 1244 СБ ООН и нарушение резолюции со стороны власти в Косово*).

Противопоставление наблюдается и в характеристике конфликтующих сторон: албанская сторона в тексте документа представлена как “Kosovo separatists”, в то время как сербская сторона упоминается при помощи нейтральных сочетаний “non-Albanian population, primarily the Serbs”, “refugee” / «неалбанское население, прежде всего сербское», «беженцы». Любопытно, что лексема “separatist” (сепаратисты), имеющая отрицательную коннотацию, употребляется в одном предложении с Соединенными Штатами и Европейским Союзом, что имплицитно ставит их в один ряд с группировкой, поддерживающей радикальную форму самоопределения (*By encouraging the separatist aspirations of Pristina, the US and some EU nations openly ignore the useful ideas and suggestions. / Поощряя сепаратистские устремления Приштины, США и некоторые государства Евросоюза откровенно игнорируют полезные наработки*).

Кроме того, действия США и ЕС с помощью многообразных оценочных лексем описываются как способные подорвать авторитет решений Совета Безопасности в кризисном урегулировании (*illegal move; serious distortions; pseudo-legal arguments; tightrope walking and such unilateral interpretation of SC resolutions; behind-the-scenes maneuvering; to wreck the dialogue / неправомерный шаг; серьезные перекосы; псевдоправовые аргументы; эквилибристика, односторонняя трактовка резолюций СБ; закулисные маневры; развалить диалог*), что, в свою очередь, ставит под сомнение правомерность действий косовских албанцев, которую они поддерживают.

Можно предположить, что тактика критики альтернативных медиаторов (США и некоторых стран Европейского Союза) используется также и для усиления собственного авторитета медиатора. С помощью отрицательно-оценочной лексики, употребляемой в отношении действий прочих потенциальных посредников (*absurd claims, destructive signals, provocative statements / абсурдные утверждения, деструктивные сигналы, провокационные заявления*), медиатор – МИД РФ – подчеркивает свои сильные стороны и аргументирует, почему Россия может предлагать свои способы решения конфликта (*distortions in Kosovo settlement, to which the Russian side has invariably drawn the partners’ attention / перекосы в косовском урегулировании, на которые российская сторона неизменно обращала внимание партнеров*).

Следует подчеркнуть, что использование такого рода лексем вновь несколько нарушает медиаторный принцип нейтральности, что, однако, компенсируется апелляцией к конкретному авторитету. На языковом уровне данная тактика реализуется посредством отсылок к международному праву (*international legal course – международно-правовое русло*), к международным организациям, их подразделениям и уставам (*SC resolutions;*

the Security Council, the UN's main body responsible for international peace and security / резолюции СБ; Совет безопасности – основной орган ООН, отвечающий за международный мир и безопасность). Отметим, что призыв к нормам международного права в тексте усиливается при помощи модальных глаголов: *Kosovo settlement cannot occur outside the Security Council*. / Косовское урегулирование не может происходить вне рамок Совета Безопасности.

Резолюция ООН 1244 (“UN Security Council Resolution 1244”), которая на сегодняшний день является главным документом косовского урегулирования в политико-правовом поле, упоминается в тексте Заявления трижды. Любопытно, что отсылка к ней носит двойственный характер: с одной стороны, подрывает авторитет государств и политических объединений, не выполняющих данную резолюцию (таким образом, активизируется стратегия дискредитации): *tightrope walking and such unilateral interpretation of SC resolutions; UNSCR 1244, from which our partners have got used to singling out only the obligations of Belgrade, but not of Pristina – they are now simply trying turn this resolution inside out; changing international presences bypassing the UNSC and without the consent of the sides* / эквилибристика, односторонняя трактовка резолюций СБ; Резолюцию 1244 СБ ООН, из которой наши партнеры привыкли вычленять только обязательства Белграда, но не Приштины, сейчас просто пытаются вывернуть наизнанку; изменение международного присутствия произвольно, в обход СБ ООН, и без согласия сторон. С другой стороны, данный документ объединяет инициативы всех участников конфликта, а также стран-членов ООН, что, в свою очередь, формирует стратегию консолидации, которая также играет важную роль в медиаторном процессе: *The authority of the UN is at stake. Kosovo settlement cannot occur outside the Security Council, the UN's main body responsible for international peace and security*. / На кон поставлен авторитет ООН. Косовское урегулирование не может происходить вне рамок Совета Безопасности – основного органа ООН, отвечающего за международный мир и безопасность.

В рамках стратегии консолидации наиболее явно проявляется тактика призыва к коллективной ответственности: *The situation in Kosovo settlement has reached the critical line; The Kosovo settlement Rubicon should be passed without tragic upheavals. Responsibility for this lies on all of us*. / Ситуация в косовском урегулировании подошла к критической черте; Рубикон косовского урегулирования должен быть пройден без трагических потрясений.

При помощи тактики описания потенциальных угроз отмечается также, что последствия косовского кризиса могут привести к нестабильности на международной арене: *may lead to serious adverse consequences for regional and international stability*. Для усиления эффекта используется риторический вопрос, что не характерно для документов такого типа: *What will happen in the world if the same yardstick is applied to other conflicts? / Что будет в мире, если с такой меркой подходить к другим конфликтам?*

В Заявлении подчеркивается, что для снижения рисков развития глобального кризиса необходимо осуществить переход от отстаивания своих интересов к более глубокому уровню, на котором обнаруживается совместимость и общность интересов: *well-substantiated interests of the sides and the priorities / обоснованные интересы сторон и приоритеты*.

Отдельно следует отметить, что одной из важнейших стратегий политического дискурса является его манипулятивность (Архипова, 2016, с. 15). В Заявлении МИД России по косовскому урегулированию можно выделить скрытую манипуляцию, при помощи которой авторы намереваются повлиять на действия участников конфликта: *There goes behind-the-scenes maneuvering around the United Nations leadership, whom they want, in breach of their prerogatives, to induce towards legitimizing future illegal moves. We are convinced that no one will succumb to blackmail*. / Идут закулисные маневры вокруг руководства Организации Объединенных Наций, которое хотят в нарушение его прерогатив склонить к легитимизации будущих неправовых шагов. Убеждены, что никто не поддастся на шантаж. Как видно, действия политических оппонентов не называются неправомерными напрямую (отсутствует упоминание конкретных политических сторон, а незаконные действия представлены как будущие дипломатические шаги). При помощи оценочной единицы ‘blackmail’ они лишь косвенно расцениваются как нелегитимные. Можно предположить, что высказывание направлено на разрушение имиджа оппонентов и содержит скрытый ответ-предупреждение албанским сепаратистам и поддерживающим их государствам.

Таким образом, в документе “Statement by Russia’s Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement” задействованы две основные коммуникативные стратегии: стратегия дискредитации и стратегия консолидации; в меньшей степени наблюдается реализация стратегии манипуляции. Данное Заявление являет собой не поэтапный план урегулирования конфликта, а, скорее, реакцию на обстановку в регионе (на 2007 год), что, однако, не мешает составителям документа выдвигать себя на роль медиатора. При этом компонент «нейтральность» рассматриваемого фрейма неоднократно нарушается медиатором, что, впрочем, компенсируется им при помощи отсылки к «высшей инстанции»: таким образом медиатор не поддерживает участника конфликта напрямую, а лишь отстаивает нормы международного права.

«Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией» (“Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute”, 2022) представляет собой более структурированный документ из 9 пунктов.

В качестве медиатора в данном случае выступают сразу два государства – Французская Республика и Федеративная Республика Германия, которые предлагают свой вариант решения конфликта. Необходимо отметить, что обоснования для выдвижения себя на роль посредника в документе не представлены, что не только не соответствует принципам сформированного на начальном этапе исследования фрейма, но и значительно снижает убедительность представленных в плане тезисов.

Единственным косвенным аргументом в пользу назначения себя медиатором является упоминание в плане такого объединения, как Европейский Союз, членство в котором, по мнению составителей документа,

является интересом и Сербии, и самопровозглашенного «Косово». Предполагается, что Германия и Франция как давние члены ЕС имеют право выдвигать собственное видение решения конфликта, участники которого заинтересованы во вступлении в Европейский Союз. Таким образом, медиатор использует тактику создания образов союзников – противоборствующие стороны объединены общим стремлением: *Kosovo and Serbia will be guided by their mutual aspirations to EU membership*. / Косово и Сербия будут руководствоваться своими взаимными стремлениями стать членами ЕС.

Однако данную тактику можно отнести не только к стратегии объединения, но и к стратегии манипулирования, которое выражается в игре на потребности принадлежать к какой-либо значимой группе (в данной ситуации – к Европейскому Союзу).

Манипуляционные тактики, очевидно, прослеживаются во всех пунктах Плана, поскольку в каждом из них Косово и Сербия упоминаются как отдельные государства (*Kosovo and Serbia shall develop normal..., Kosovo and Serbia will be guided..., Kosovo and Serbia proceed on the assumption... / Косово и Сербия должны развивать нормальные..., Косово и Сербия будут руководствоваться..., Косово и Сербия исходят из предположения...*). При помощи подобной тактики преднамеренного искажения фактов составители Плана воздействуют на реципиентов, представляя территориальный раздел Косова и Сербии как общепризнанный, юридически закрепленный, факт. В то время как на момент публикации Документа и на сегодняшний день это противоречит международному праву, а именно – Резолюции ООН 1244, согласно которой Автономный край Косово и Метохия является частью Республики Сербия.

Можно предположить, что именно поэтому в анализируемом Плане отсутствует тактика апелляции к конкретному авторитету. В документе ни разу не упоминается Организация Объединенных Наций, которая при решении споров международного характера играет решающую роль.

Помимо этого, манипулятивный потенциал наблюдается также и в названии документа (*“Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute”*), в котором при помощи глагола *‘to resolve’* вводится указание на готовность Франции и Германии окончательно решить существующий политическо-территориальный спор. В документах аналогичной тематики и медиативной направленности (например, «Заявление МИД России по косовскому урегулированию», «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса») наблюдается менее категоричный посыл медиатора, который предлагает лишь свое видение урегулирования кризиса (*“Statement by Russia’s Ministry of Foreign Affairs on Kosovo Settlement”, “China’s Position on the Political Settlement”...*), в то время как Франция и Германия видят себя правомочными медиаторами, чья вовлеченность в процесс решения конфликта является значительно более глубокой.

Используемый на протяжении всего документа модальный глагол *shall* (*Kosovo and Serbia shall exchange Permanent Missions... They shall be established at the respective Government’s seat*. / Косово и Сербия обеспечат работу постоянных представительств друг друга... Они будут учреждены по месту нахождения соответствующего правительства) семантически отличается категоричным долженствованием, что еще раз подтверждает уверенность медиаторной стороны в правильности предлагаемых ею действий по урегулированию конфликта.

Стратегия объединения, упомянутая выше, также занимает важное место в анализируемом Плане. Она реализуется посредством используемых на протяжении всего документа лексем, апеллирующих к «общности интересов», осуществлению совместных действий и равноправному сотрудничеству: *each other based on equal rights, mutual aspirations, by both parties, mutual respect, cooperation / друг с другом на основе равноправия, взаимные стремления, обе стороны, взаимное уважение, сотрудничество*.

Помимо этого, в документе активно используется и тактика отсылки к достигнутым ранее договоренностям между сторонами конфликта: *Kosovo and Serbia proceed on the assumption that neither of the two parties can represent the other in the international sphere nor act on its behalf; Kosovo and Serbia proceed on the mutual respect of each party’s jurisdiction; In conformity with the SAA (Stabilisation and Association Agreements) signed by both parties, Kosovo and Serbia shall settle any disputes between them exclusively by peaceful means and refrain from the threat or use of force*. / Косово и Сербия исходят из того, что ни одна из двух сторон не может представлять другую на международной арене или действовать от ее имени; Косово и Сербия исходят из взаимного уважения правомочий каждой из сторон; В соответствии с Соглашениями о стабилизации и сотрудничестве, подписанными обеими сторонами, Косово и Сербия будут разрешать любые споры между собой исключительно мирным путем и гарантируют воздерживаться от угрозы силой или ее применения.

Отметим, что проанализированную ранее тактику преднамеренного искажения фактов можно отнести не только к стратегии манипулирования, но и к стратегии объединения. Конфликтующие стороны действительно упоминаются как отдельные государства, но ни один из пунктов рассматриваемого Плана не касается лишь одной стороны. Исходя из этого, делается акцент на то, что цель урегулировать разногласия может быть достигнута только равномерными усилиями участников конфликта.

Таким образом, основными дискурсивными стратегиями, применяемыми в документе *“Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute”*, являются стратегия объединения и стратегия манипулирования, которые пересекаются между собой и зачастую реализуются посредством идентичных тактик.

Если говорить о соответствии текста описанному нами фрейму «медиация», то обращает на себя внимание, что за внешним соблюдением в документе существенного медиационного принципа «нейтральности» выявляется скрытая прагматика: с помощью разнообразных языковых средств адресату «навязывается» исход конфликта, выгодный данному медиатору. Кроме того, в тексте наличествует лишь скрытое обоснование, почему Франция и Германия могут выступать в роли медиатора и предлагать свои способы решения косовского конфликта.

«Декларация о реинтеграции Косова и Метохии в конституционно-правовой порядок Сербии» («Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије»), опубликованная 4 октября 2022 года, является ответной реакцией на рассмотренный ранее «Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией». Данный документ предложен сербским оппозиционным движением «Покрет за одбрану Косова и Метохије». Таким образом, перед нами – любопытный пример медиатора, который напрямую соотносится с одной из сторон конфликта (Сербией), однако наделяет себя медиаторными полномочиями на правах юридически нейтрального участника. При этом очевидна его лингвокультурная обусловленность.

Текст изобилует отсылками к юридическим категориям, первая из которых упоминается в заголовке: *Декларација о реинтеграцији Косова и Метохије у уставно-правни поредак Србије*. Как видно, медиатор предлагает способы решения конфликта иного порядка, чем в рассмотренных ранее примерах. Для авторов документа не стоит вопрос территориальной принадлежности Косова – речь идет о конституционно-правовом регулировании Сербией этого края. То есть в отношении конфликта глобального уровня (Кому принадлежит Косово?) применяется тактика аксиоматичности (Косово – это Сербия), относящаяся к стратегии убеждения.

Сохранению принципа нейтральности и созданию благоприятного образа медиатора способствует упомянутая ранее тактика апелляции к авторитету, при помощи которой также реализуется стратегия убеждения. Отметим, что в качестве авторитета в Декларации представлена не только резолюция Организации Объединенный Наций, но и нормативно-правовые акты, такие как Конституция Сербии: *Полазећи од Резолуције 1244 и Устава Републике Србије. / Исходя из Резолуции 1244 и Конституции Республики Сербия*. Отсылка к Конституции Сербии косвенно объясняет, почему сербское движение «Покрет за одбрану Косова и Метохије» претендует на роль посредника.

Любопытно, что сторонние силы – внешние участники конфликта (такие как Европейский Союз, США, страны-члены НАТО) – в отличие от предыдущих документов, не упоминаются в тексте Декларации. В этом случае также используется тактика апелляции к авторитету и нормам права: *Нико нема ни право ни легитимитет да потписује било какве међународно обавезујуће документе супротне Уставу Србије. / Никто не имеет ни права, ни легитимности подписывать какие-либо международные, юридически-обязывающие документы, противоречащие Конституции Сербии*.

Наряду с отсылками к правовым нормам, авторы Декларации апеллируют к такому лингвокультурологическому феномену, как «Косовский завет»: *...верни Косовском завету, истичемо да је једино прихватљиво решење за државу Србију... / верные Косовскому завету, подчеркиваем, что единственное приемлемое решение для государства Сербия...* Под Косовским заветом понимается миф о Святом князе Лазаре – предводителе сербского войска во время Косовского сражения 28 июня 1389 года. Согласно преданию, перед сражением князю было открыто, что он может выбрать либо царствие земное, либо Царствие Небесное. При выборе царствия земного сербское войско выиграет битву, и Сербия будет процветать до тех пор, пока князь Лазарь жив. В случае выбора Царствия Небесного, «Сербия будет побеждена, но никогда не потеряет православную веру и сохранит свое место в Царствии Небесном» (Гаркавенко, 2012, с. 3). Очевидно, что выбор Царствия Небесного определил «духовный путь» Сербии как государства, который на протяжении всей истории подразумевался как единственно верный и который в рассматриваемом документе представлен как не менее значимый, чем резолюция ООН и Конституция Республики Сербии.

Знание исторического контекста и отсылки к юридическим документам придают убедительность аргументам, приводимым в Декларации. Также обращает на себя внимание использование нейтрального стиля и отсутствие оценочной лексики по отношению к противоположной стороне конфликта, что, отметим, не всегда наблюдается даже в текстах, составленных третьей стороной – непрямыми участниками конфликта.

Стоит, однако, отметить наличие литературных эпитетов, посредством которых описывается текущее состояние конфликта: *тежине тренутка, одсудном часу, слободној Србији, праведном решењу / серьезность момента, решающий час, свободная Сербия, праведное решение...* Такая лексика придает некоторую пафосность теме и подчеркивает ее значимость в глазах читателя.

Наряду со стратегией убеждения в Декларации присутствует стратегия объединения, которая реализуется при помощи тактики описания совместного будущего и способов сосуществования конфликтующих сторон. Подразумевается решение конфликта путем сохранения региона Косова и Метохия в составе Республики Сербии, поэтому противоположная сторона конфликта именуется посредством сочетания «косовские албанцы». Албанское население края включается в ряд равноправных граждан, которые в составе Республики Сербии имеют те же права, что и сербское население: *отварање дијалога са представницима косовских Албанаца / начало диалога с представителями косовских албанцев*.

Противоборствующей стороне предлагается налаживание диалога об установлении верховенства права, который повлияет на «общее будущее» всех этнических групп: *Спремни смо за отварање дијалога са представницима косовских Албанаца о изградњи поретка владавине права за све етничке заједнице и све грађане и начинама на који ће се уставно-правна реинтеграција обавити на заједничку будућност. / Мы готовы начать диалог с представителями косовских албанцев о построении порядка верховенства закона для всех этнических общин и всех граждан и о способах осуществления конституционно-правовой реинтеграции – на благо общего будущего*.

Следовательно, основными стратегиями, применяемыми в «Декларации о реинтеграции Косова и Метохии в конституционно-правовой порядок Сербии», является стратегия убеждения и стратегия объединения. Важно отметить, что несмотря на субъективное отношение к конфликту, авторам Декларации удалось сохранить позицию нейтральности и, предлагая свой вариант разрешения противоречий, избежать прямого использования манипулятивных стратегий и тактик.

Наряду с проанализированными выше письменными документами рассмотрим устное заявление Дональда Трампа, также посвященное урегулированию Косовского конфликта ("Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting"). Выступление состоялось перед подписанием соглашения об экономическом сотрудничестве со стороны президента Республики Сербия Александра Вучича и премьер-министра самопровозглашенного Косова Авдулла Хоти.

Несмотря на то, что заявление выполнено в устной форме, оно соответствует фрейму «медиация» и имеет структуру, общую для всех анализируемых в данном исследовании примеров коммуникации.

Наиболее явно в заявлении используется стратегия саморепрезентации (самого Д. Трампа и его администрации), которая реализуется при помощи личных и притяжательных местоимений первого лица: *I'm pleased to announce a truly historic commitment...; my administration proposed a new way of bridging the divide; we're going to be working with them...; We've also made additional progress...; I want to thank you both... / Я рад объявить о поистине историческом решении...; моя администрация предложила новый способ преодоления этого разрыва...; мы собираемся работать с ними; Мы также добились дополнительного прогресса...; Я хочу поблагодарить вас обоих...* Характерно, что все высказывания объединяет исключительно позитивная саморепрезентация.

Положительная оценка действий своей администрации, наряду с которой встречается и дискредитация действий других посредников (*and years of failed negotiations / и годы безуспешных переговоров*), служит обоснованием выдвижения США (президента Трампа и его администрации) на роль медиатора в данном конфликте.

В качестве еще одного довода, почему кабинет президента может заниматься урегулированием конфликта, приводится аргумент относительно сербов и албанцев, проживающих на территории США: *And I can say that Serbia and Kosovo have tremendous numbers of people in the United States. / И я могу сказать, что огромное количество людей из Сербии и Косово проживает в Соединенных Штатах.* Данное утверждение можно отнести как к стратегии саморепрезентации, так и к стратегии объединения, поскольку «глобальный медиатор»-США не просто представляет собой сильное государство, где проживают представители конфликтующих сторон, но и демонстрирует, что они могут сосуществовать мирно, не вступая в конфликт.

В рамках стратегии объединения обращает на себя внимание тактика нахождения общего «знаменателя» для противоборствующих сторон, которым в данной ситуации выступает экономика: *Serbia and Kosovo have each committed to economic normalization...; By focusing on job creation and economic growth, the two countries were able to reach a major breakthrough...; And we're going to be working with them on economic cooperation. / Сербия и Косово взяли на себя обязательства по нормализации экономической ситуации... Сосредоточившись на создании рабочих мест и экономическом росте, обе страны смогли достичь большого прорыва... И мы собираемся работать с ними над развитием экономического сотрудничества.*

Особо выделяется тактика поощрительной оценки политических руководителей, присутствующих на подписание соглашения. Обилие ярких эпитетов, характеризующих действия президента Республики Сербия Александра Вучича и премьер-министра самопровозглашенного Косова как смелые, правильные и способствующие безопасности в регионе, также способствует процессу объединения: *That's fantastic. That's a big thing. That's a very big statement <...> It's taken tremendous bravery by the President of Serbia and the President [Prime Minister] of Kosovo; two highly respected people; By doing so, they've made their countries, the Balkans, really, an incredible area of some of the most beautiful land in the world. <...> But they've made the world safer. <...> But we're very proud of these two great leaders and for getting this done. And their people are very proud of them, maybe more importantly. / Это невероятно. Это большое событие. Это очень громкое заявление <...> Президенту Сербии и президенту [премьер-министру] Косово потребовалось огромное мужество; два очень уважаемых человека; Поступая так, они превратили свои страны, Балканы, в поистине невероятный регион, один из самых красивых в мире. <...> Но они сделали мир безопаснее. <...> Но мы очень гордимся этими двумя великими лидерами и тем, что они добились этого. И их народ очень гордится ими, что, возможно, еще важнее.*

Наряду со стратегиями саморепрезентации и объединения в тексте имеет место и стратегия манипулирования, которая реализуется в речи посредством средств, схожих теми, что встречались в проанализированном выше «Франко-германском плане урегулирования спора между Косово и Сербией». Так, Дональд Трамп говорит о конфликтующих сторонах как об отдельных государствах: *And I can say that Serbia and Kosovo...; I look forward to seeing Serbia and Kosovo prosper... / И я могу сказать, что Сербия и Косово... Я с нетерпением жду процветания Сербии и Косово...* Тем самым правительство США, признавшее «независимость Косова» в 2008 году, популяризирует данную точку зрения на международной арене, что косвенно защищает интерес албанской стороны и противоречит уставу ООН.

В связи с этим закономерным представляется отсутствие ссылок на правовые документы и постановления международных организаций, созданных для поддержания и укрепления международного мира и безопасности. Также в тексте не зафиксирована информация об истоках конфликта, отсутствует ссылка на исторические факты. В качестве единственного правомочного медиатора, который имеет право предлагать свою повестку в разрешении не только косовского кризиса (*I'm pleased to announce a truly historic commitment...; This is a truly historic day... / Я рад объявить о поистине историческом событии...; Это поистине исторический день...*), но и других международных конфликтов (*I think we're going to have great peace in the Middle East. / Я думаю, что на Ближнем Востоке воцарится великий мир*), представлена администрация самого Дональда Трампа.

Однако упомянутые выше обобщения и отсутствие отсылок к историческому и геополитическому контексту (*They've been working on this for many, many years – decades, actually. After a violent and tragic history, and years of failed negotiations. / Они работали над этим много-много лет – на самом деле, в течение десятилетий. После*

жестокой и трагической истории и безуспешных переговоров на протяжении долгих лет), а также некоторые оговорки (премьер-министр самопровозглашенного Косова по ошибке назван *“President of Kosovo”*) ставят под сомнение наличие у автора высказывания фоновых знаний о «косовском вопросе» и участниках конфликта.

Отметим использование высокопарной лексики (*a truly historic day* и т. д.) в выступлении, что несколько противоречит принципу нейтральности медиации, однако объясняется устным характером выступления и индивидуальным стилем конкретного оратора. В некоторой степени данная коммуникативная особенность соотносима с использованием эпитетов в Декларации сербского движения “Покрет за одбрану Косова и Метохији”.

Таким образом, основными медиаторными стратегиями в устном заявлении “Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting” являются стратегия саморепрезентации, стратегия объединения и стратегия манипулирования, что соотносится с выявленными в предыдущих примерах стратегиями.

Заключение

Как показал анализ разнопланового материала, основными дискурсивными инструментами медиатора в ситуации урегулирования политического конфликта являются стратегия объединения, манипулирования, убеждения и т. д., в рамках которых реализуются тактика апелляции к авторитету, тактика призыва к коллективной ответственности, тактика описания потенциальных угроз и др. Для наглядности все стратегии и тактики, выявленные в ходе анализа, представлены в таблице «Стратегии и тактики дискурса медиации в ситуации общественно-политических разногласий» (Таблица 1), в которой отражена способность одной и той же тактики реализовывать разные стратегии.

Таблица 1. Стратегии и тактики дискурса медиации в ситуации общественно-политических разногласий

Стратегии Тактики	Дискредитация	Консолидация	Манипулирование	Объединение	Убеждение	Саморепрезентация
Тактика аксиоматичности					+	
Тактика апелляции к авторитету					+	
Тактика критики альтернативных медиаторов	+					
Тактика нахождения общего «знаменателя» для противоборствующих сторон				+		
Тактика описания потенциальных угроз		+				
Тактика описания совместного будущего и способов сосуществования конфликтующих сторон				+		
Тактика отсылки к достигнутым ранее договоренностям между сторонами конфликта				+		
Тактика положительной оценки действий своей администрации						+
Тактика поощрительной оценки политических руководителей				+		
Тактика преднамеренного искажения фактов			+			
Тактика призыва к коллективной ответственности		+				
Тактика противопоставления	+					
Тактика создания образов союзников			+	+		

На основании теоретической литературы был смоделирован фрейм «Медиация», соответствие которому во многом подтвердилось в рассмотренных примерах посредством дискурс-анализа. Все примеры коммуникации имеют разную структуру, однако в каждом из них приводится предлагаемый план действий, при помощи которых, по мнению медиаторов, можно достичь решения конфликта. В некоторых случаях сам документ представляет собой изложенный по пунктам перечень шагов («Франко-германский план урегулирования спора между Косово и Сербией»), в остальных случаях – план излагается менее структурированно, описательным способом.

Также в соответствии с фреймом во всех примерах встречается обоснование выдвижения автора высказывания на роль медиатора. Оно носит прямой или скрытый характер.

Наконец, наиболее неоднозначно проявил себя такой существенный медиаторный признак, как нейтральность. В целом можно утверждать, что во всех рассмотренных примерах осуществляется попытка соблюсти нейтральность позиции, коммуникативной подачи и т. д., но в каждом примере наблюдаются значительные разнообразные отклонения от данной нормы. В ряде примеров они касаются использования коммуникативных средств, не характерных для документов такого рода. В некоторых случаях встречается неявное содействие одной из конфликтующих сторон с использованием различных манипулятивных тактик. В связи с этим можно сделать вывод, что на материале общественно-политического дискурса в целом невозможен абсолютно нейтральный статус медиатора, если в его роли выступает политической субъект – игрок международной арены.

Это в полной степени подтверждается дискурсивным анализом рассмотренных фрагментов коммуникации. Примечательно, что в каждом из них медиатор занимает «разнонаправленное» положение относительно участников конфликта. Так, Российская Федерация и США представляют собой влиятельные и крупные сторонние силы, Франция и Германия выступают с точки зрения потенциальных союзников со сторонами конфликта в рамках единого политико-экономического блока (ЕС), а медиатор в лице сербского движения “По-крет за одбрану Косова и Метохије” и вовсе предлагает решение как бы «изнутри» конфликта. Ожидаемая сугубая предвзятость последнего не подтверждается исследованием.

Отдельного внимания заслуживает то, что дискурсивный инструментарий, встречающийся в примерах, схож, несмотря на лингвокультурную принадлежность медиатора.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и описание особенностей стратегии саморепрезентации у индивидуальных и коллективных медиаторов, а также привлечение материалов медиаторного характера на других языках для углубленного сравнительно-сопоставительного анализа стратегий и тактик дискурса медиации.

Источники | References

1. Архипова А. А. Особенности стратегий различных типов институционального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 12 (751).
2. Бареева Н. С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2012.
3. Башмакова Н. И., Рыжова Н. И., Кузнецова О. А. Историческая ретроспектива медиации как интегративного понятия: парадигмы изучения и междисциплинарность // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78).
4. Гаркавенко О. В. Косовский завет Сербии // Православная вера. 2012. № 12.
5. Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов н/Д: Ростовский государственный университет, 1992.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Куликова Л. В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (2).
8. Прийма Т. И. Медиаторные стратегии в ситуации общественного раскола // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55).
9. Прохорова О. А. Дискурс медиации: стратегии и тактики речевого поведения медиатора // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов: в 2 т. / отв. ред. Д. Н. Новиков. М.: Московский государственный институт международных отношений – Университет, 2017. Т. 1.
10. Ković M. Kosovo Covenant and Serbian National Identity // Artistic Heritage of the Serbian People in Kosovo and Metohija: History, Identity, Vulnerability, Protection / eds. D. Vojvodić, M. Marković. Belgrade, 2017.
11. Ungerer F., Schmid H. An Introduction to Cognitive Linguistics. L.: Routledge Taylor and Francis Group, 2013.
12. Zartman W. I., Touval S. International Mediation: Conflict Resolution and Power Politics // Journal of Social Issues. 1985. Vol. 41. No. 2.

Информация об авторах | Author information

Прийма Татьяна Ивановна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Tatiana Ivanovna Priima¹

¹ St. Petersburg State University

¹ tatianapriima@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.02.2025; опубликовано online (published online): 26.03.2025.

Ключевые слова (keywords): дискурс медиации; коммуникативные стратегии в англоязычном и сербском дискурсе медиации; коммуникативные тактики в англоязычном и сербском дискурсе медиации; медиаторные стратегии в ситуации общественного раскола; средства манипуляции в дискурсе медиации; mediation discourse; communicative strategies in English and Serbian mediation discourse; communicative tactics in English and Serbian mediation discourse; mediator strategies in a situation of societal division; means of manipulation in mediation discourse.